

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"

город Москва

4 февраля 1999 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе заместителя Председателя Т.Г.Морщаковой, судей Н.Т.Ведерникова, Н.В.Витрука, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, В.Д.Зорькина, А.Л.Кононова, В.О.Лучина, В.И.Олейника, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.И.Тиунова, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав сообщение судьи А.Л.Кононова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предварительное изучение жалобы граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова,

установил:

1. Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, на основании пунктов 6, 8 и 11 части второй и части четвертой статьи 6, абзаца второго пункта 2 части первой статьи 7, части второй статьи 8 Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 года "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации" заместителем Генерального прокурора Российской Федерации в отношении М.И.Сапронова было санкционировано проведение оперативно-розыскных мероприятий: прослушивание телефонных переговоров (с 25 августа 1993 года сроком на 30 суток, продлено 22 сентября 1993 года сроком на 90 суток) и наблюдение с использованием аудио- и видеозаписи (с 10 сентября 1993 года сроком на 90 суток).

Московским городским судом в отношении М.И.Сапронова (постановление от 10 марта 1994 года) и М.Б.Никольской (постановление от 15 марта 1994 года) было дано разрешение на прослушивание телефонных переговоров и проникновение в жилища сроком на 90 суток.

По результатам оперативно-розыскных мероприятий 25 апреля 1994 года было возбуждено уголовное дело (приготовление к даче взятки и покушение на дачу взятки). В ходе производства по делу М.И.Сапронов в числе других лиц был привлечен к уголовной ответственности, а в отношении М.Б.Никольской уголовное дело было прекращено на основании статьи 5 (пункт 2 части первой) УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления, а также статьи 208 (пункт 2 части первой) УПК РСФСР, в соответствии с которой уголовное дело прекращается при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств.

Заявители утверждают, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий были нарушены их права на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища, гарантированные статьями 23 (часть 2) и 25 Конституции Российской Федерации, и просят проверить конституционность положений, содержащихся в пунктах 6, 8, 9 и 10 части первой и части второй статьи 6, подпункте 1 пункта 2 части первой статьи 7, части второй статьи 8 и статье 9 Федерального закона от 12 августа 1995 года "Об оперативно-розыскной деятельности". По мнению заявителей, их конституционные права нарушены положениями именно названного Федерального закона, воспроизводящими, как они утверждают, примененные в их конкретном деле положения Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 года "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации", которые, таким образом, фактически действуют и после того, как этот Закон утратил силу.

По смыслу статьи 125 и пункта 2 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации, а также статей 3, 36, 43, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан проверяет конституционность закона, действовавшего на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, только в том случае, если этот закон был применен в деле заявителя после ее вступления в силу, т.е. после 25 декабря 1993 года, и лишь в связи с соответствующим правоприменительным актом. В отношении заявителей такие акты, как следует из представленных материалов, имели место в марте 1994 года.

2. В жалобе оспаривается конституционность положений статьи 9 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", регулирующей основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Эта норма конкретизировала требование статей 23 (часть 2) и 25 Конституции Российской Федерации об ограничении прав граждан на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища на основании судебного решения.

Закон Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации" вообще не содержал подобной нормы, - в соответствии с ним оперативно-розыскные мероприятия проводились с разрешения руководителя органа, осуществлявшего оперативную проверку. Однако после вступления в силу Конституции Российской Федерации и еще до принятия Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", содержащего оспариваемую норму, суды общей юрисдикции, исходя из того, что Конституция Российской Федерации имеет прямое действие, стали рассматривать материалы об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Именно в таком порядке Московский городской суд в марте 1994 года разрешил проведение соответствующих оперативно-розыскных мероприятий в отношении М.Б.Никольской и М.И.Сапронова.

Следовательно, норма, содержащаяся в статье 9 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", как не применявшаяся в деле заявителей, не может быть предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе.

3. В соответствии с Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: наблюдение, обследование помещений, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров (пункты 6, 8, 9, 10 части первой статьи 6); при этом используются в том числе видео- и аудиозапись (часть третья статьи 6); основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (подпункт 1 пункта 2 части первой статьи 7).

Согласно части второй статьи 8 названного Закона проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища, допускается при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, и о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно. Соответствующее положение части второй статьи 8 Закона Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации", которое, собственно, и было применено к заявителям, предусматривало, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих охраняемые законом тайну телефонных переговоров и право на неприкосновенность жилища, допускается лишь для сбора информации о лицах, подготавливающих или покушающихся на тяжкие преступления, совершающих либо совершивших тяжкие преступления.

Как следует из жалобы, заявителями не подвергается сомнению правомерность оперативно-розыскной деятельности и проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища. Неконституционность указанных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" оспаривается ими лишь постольку, поскольку эти положения допускают такие ограничения при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, что, по их мнению, позволяет оперативным службам ограничивать конституционные права

граждан в течение неопределенно длительного времени, лишает граждан фактической возможности оспаривать применение этих ограничений, сужает возможность судебного контроля за проведением соответствующих оперативно-розыскных мероприятий и потому нарушает требования статей 2, 18, 24, 25, 55 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Допустимость ограничения прав на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища на основании судебного решения установлена непосредственно Конституцией Российской Федерации (статья 23, часть 2, и статья 25).

Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" предусмотрено, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1); выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, относится к задачам оперативно-розыскной деятельности (статья 2). Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным Федеральным законом (часть первая статьи 5).

Названные в Федеральном законе "Об оперативно-розыскной деятельности" цели относятся именно к таким целям, которые перечислены в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как следует из оспариваемых положений статей 6, 7 и 8 в их взаимосвязи с положениями статей 1, 2 и 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", оперативно-розыскная деятельность и проводимые в ходе ее осуществления соответствующие оперативно-розыскные мероприятия не подменяют процессуальные действия, осуществляемые при проведении дознания и предварительного следствия. Они также направлены на борьбу с преступностью, осуществляются именно в целях защиты личности, общества и государства от преступных посягательств и, следовательно, не могут рассматриваться как нарушение Конституции Российской Федерации.

Между тем представленные материалы свидетельствуют о том, что оперативно-розыскные мероприятия (прослушивание телефонных переговоров и обследование жилища) в отношении заявителей проводились в связи с информацией о признаках взятки, т.е. тяжкого преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно. Постановлениями Московского городского суда от 10 марта и от 15 марта 1994 года их проведение было разрешено сроком на 90 суток, и уже 25 апреля 1994 года по результатам оперативно-розыскных мероприятий было возбуждено уголовное дело.

Необходимо учесть, что Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности", в частности его статья 5, гарантирует судебную защиту прав граждан от возможных нарушений в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Как уже указывалось Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 14 июля 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" (в редакции от 12 августа 1995 года) по жалобе гражданки И.Г.Черновой, часть вторая его статьи 5 (соответственно часть третья статьи 5 в редакции от 4 декабря 1998 года) предоставляет лицу, даже если оно только полагает, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, право обжаловать эти действия в вышестоящий орган, прокурору или в суд. По смыслу части третьей этой же статьи во взаимосвязи со статьями 2 и 10, при неподтверждении данных, предусмотренных подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7, и, следовательно, при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению, что позволяет проверяемому лицу в порядке части третьей статьи 5 истребовать сведения о полученной о нем информации, а в случае отказа - обжаловать его в суд; при этом в процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывать обоснованность такого отказа возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Тот же орган обязан предоставить судье по его требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о запрошенном лицом сведениях, за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие (часть четвертая статьи 5). В случае признания необоснованным решения органа, осуществляющего

оперативно-розыскную деятельность, об отказе в предоставлении необходимых сведений заявителю судья в соответствии с частью пятой статьи 5 может обязать его предоставить заявителю сведения, предусмотренные частью третьей данной статьи. Исключения в отношении предоставляемых судьей сведений, перечисленные в части четвертой статьи 5, не могут препятствовать ему принять законное и справедливое решение, в том числе по восстановлению нарушенных прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда, как того требуют положения частей восьмой и девятой той же статьи.

Аналогичные положения содержались и в статье 5 Закона Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации".

Утверждение заявителей о том, что предусмотренная оспариваемыми нормами возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, до возбуждения уголовного дела превращает судебный контроль за этим видом деятельности в формальность, не находит подтверждения. По смыслу статей 23 (часть 1) и 25 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 10, 11 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 18, 118 (часть 1), 120 и 126, суд, действуя непосредственно в силу требований указанных статей Конституции Российской Федерации и решая при этом задачи уголовно-правового характера, наделен полномочием по осуществлению процедуры независимого разрешения вопроса о проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничениями конституционных прав граждан, что не ущемляет этих прав, а напротив, создает дополнительную гарантию их защиты. Суд не может дать разрешение на ограничение конституционных прав, если не приходит к выводу о необходимости такого ограничения, его обоснованности и законности, в том числе с точки зрения требований статей 1, 2, 3, 5, 7 и 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности".

Вместе с тем процедура, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, имеет особенности: это не судебное разбирательство, в ней еще нет сторон, проверяемое лицо - не участник процесса и не должен знать о проведении в отношении него негласных по своему характеру оперативно-розыскных мероприятий. Если же лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, узнало об этом и полагает, что его права и законные интересы ущемлены, то оно имеет право на обжалование и судебную защиту и может обращаться в суд общей юрисдикции в соответствии с установленной подсудностью.

Отсюда следует, что если в ходе применения оспариваемых норм Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" допущены нарушения прав гражданина на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища, то соответствующие правоприменительные акты и действия должностных лиц могут быть оспорены в установленном порядке, в том числе в суде общей юрисдикции, а нарушенные ими конституционные права в таком случае подлежат защите, как того требует Конституция Российской Федерации, в том числе ее статьи 23 (часть 2), 25, 45 и 46, и в точном соответствии с названными предписаниями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности". Между тем в жалобе нет сведений о том, что заявители обращались в суд общей юрисдикции за защитой конституционных прав, которые, по их мнению, были нарушены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, оспариваемые законоположения не нарушают гарантированных Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьями 23 (часть 2), 25, 45, 46, 49 (часть 1) и 50 (часть 2), прав заявителей и не препятствуют осуществлению судебной защиты конституционных прав на тайну телефонных переговоров и на неприкосновенность жилища от возможных нарушений при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В случае если заявители считают, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению их прав и свобод, они вправе в порядке статьи 5 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру или в суд. Проверка же законности и обоснованности правоприменительных решений в данном случае не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, который, по смыслу статей 118, 125, 126, 127 и 128 Конституции Российской Федерации, не может подменять правоприменителя, в том числе суды общей юрисдикции.

4. В жалобе оспаривается также норма, содержащаяся в части второй статьи 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", которая позволяет использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. По мнению заявителей, эта норма

не соответствует статье 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Между тем из оспариваемой нормы вытекает, что собирание, проверка и оценка доказательств возможны лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Такой порядок установлен УПК РСФСР, в том числе его статьями 20, 68-88, 279, 291, 292, 301. При этом все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда. Доказательства, полученные с нарушением установленного УПК РСФСР порядка, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания всех необходимых обстоятельств при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде.

Следовательно, результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, нормой, содержащейся в части второй статьи 11 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", конституционные права заявителей не нарушаются. Решение же в каждом отдельном случае вопроса о том, являются ли конкретные материалы, представленные оперативными службами (в том числе произведенные при проведении оперативно-розыскных мероприятий аудиозаписи), достоверными и допустимыми и могут ли они, с учетом требований уголовно-процессуального закона, использоваться в качестве доказательств, относится к ведению судов общей юрисдикции.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 41, пунктами 2 и 3 части первой статьи 43, частями первой и второй статьи 79, частью первой статьи 96 и статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова в части, касающейся проверки конституционности положений статьи 9 Федерального закона от 12 августа 1995 года "Об оперативно-розыскной деятельности", поскольку они к заявителям не применялись и не подлежали применению и потому не могут быть предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе.

2. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан М.Б.Никольской и М.И.Сапронова в части, касающейся проверки конституционности положений, содержащихся в пунктах 6, 8, 9 и 10 части первой и части второй статьи 6, подпункте 1 пункта 2 части первой статьи 7, части второй статьи 8 и части второй статьи 11 Федерального закона от 12 августа 1995 года "Об оперативно-розыскной деятельности", поскольку конституционные права заявителей этими положениями не нарушены.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Заместитель Председателя
Конституционного Суда
Российской Федерации
Т.Г.Морщакова

Судья-секретарь
Конституционного Суда
Российской Федерации
Н.В.Селезнев

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.Л. КОНОНОВА**

Полагаю, что выводы Конституционного Суда Российской Федерации, отказавшего М.Б. Никольской и М.И. Сапронову в принятии их жалобы к рассмотрению, являются необоснованными и не соответствуют как аргументам заявителей, так и фактической стороне спора, изложенной в представленных материалах.

Как следует из жалобы, оперативные мероприятия в отношении заявителей проводились по крайней мере с 1993 года по сентябрь 1995 года, когда некоторые их результаты были приобщены к уголовному делу. Таким образом, деятельность оперативно-розыскных служб, затрагивающая права и интересы заявителей, была основана на положениях Закона об оперативно-розыскной деятельности как в период действия его редакции 1992 года, так и новой редакции 1995 года.

Хотя формально редакция 1992 года предусматривала проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих тайну переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, только с санкции прокурора (часть вторая статьи 8 Закона), а в новой редакции 1995 года предусмотрен судебный порядок дачи такого разрешения (статья 9 Закона), фактически судебное санкционирование применялось уже с марта 1994 года, и не только на основании прямого указания Конституции Российской Федерации, но и по правилам самого Закона об оперативно-розыскной деятельности.

Закон в редакции 1995 года практически полностью и без существенных изменений воспроизвел те ранее действовавшие положения, которые и обжалуются заявителями как нарушающие их конституционные права и свободы и ограничивающие возможность объективного контроля и судебной защиты: тотальное засекречивание всех результатов оперативно-розыскной деятельности, регулирование ее в значительной части закрытыми, обязывающими иные органы ведомственными инструкциями, ограничение суда в возможности объективной оценки достоверности и полноты представленных материалов, затрагивающих права и свободы (статьи 4, 5, 6, 8 и др.). Фактически воспроизведена в новой редакции и прежняя процедура секретного и единоличного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий: достаточность для этого лишь одного представления оперативного органа, необязательность для него представления иных материалов, полная свобода усмотрения самого оперативного органа в определении формы, характера и объема таких материалов. При отсутствии информации об объеме и содержании конкретных материалов судья не может действовать со знанием дела, и по сути, как и прокурор, выполняет сугубо административную формальность одобрения оперативного мероприятия при заведомой невозможности проверки его обоснованности, что вряд ли можно оценивать как гарантию соблюдения конституционных прав, как это утверждается в определении Конституционного Суда.

Выводы Конституционного Суда о том, что оспариваемые в жалобе положения Закона не нарушают конституционные права заявителей, основаны исключительно на допущении конституционности этих положений, которая, собственно, и должна была подлежать проверке в открытом судебном заседании.

Так, в определении содержатся рассуждения о том, что оперативно-розыскная деятельность направлена на борьбу с преступностью, и только поэтому она отвечает конституционно значимым целям ограничения прав граждан. Это, однако, никак не опровергает доводы заявителей о том, что оспариваемые положения Закона фактически допускают проведение оперативных мероприятий и, следовательно, ограничения прав и свобод в тех случаях, когда основанием для таких мер могут являться слухи, сплетни, анонимные доносы и другие недостоверные сведения и непроверенная информация. Часть первая статьи 7 прямо и недвусмысленно предусматривает в перечне оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий случаи, когда нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ср. статью 108 УПК РСФСР) и могущих служить основанием для возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного дела впоследствии лишь подтверждает тот факт, что ранее основания к этому отсутствовали.

Указанная норма Закона об оперативно-розыскной деятельности сформулирована настолько однозначно, что никакие другие его положения и "по смыслу и во взаимосвязи" не позволяют толковать ее иначе. Между тем, по смыслу Конституции Российской Федерации, цели борьбы с преступностью не могут служить оправданием вмешательства в личную жизнь каждого и ограничения конституционных прав граждан без достаточных к тому оснований.

В определении Конституционного Суда содержится априорное утверждение о том, что Закон об

оперативно-розыскной деятельности, в частности его статья 5, гарантирует судебную защиту прав заявителей в ходе оперативных мероприятий, что, по нашему мнению, не соответствует действительности. На самом деле данные нормы, как и другие, оспариваемые в обращении, не содержат достаточных гарантий и эффективного механизма их реализации.

Уже сам негласный характер оперативно-розыскной деятельности, тотальное засекречивание ее результатов, отсутствие каких-либо временных ограничений препятствуют тому, что у заинтересованного лица вообще легально могут оказаться какие-либо данные, а тем более достоверные факты о нарушении его прав, что делает возможность их защиты заведомо ничтожной.

Закон необоснованно ограничивает круг лиц, имеющих право затребовать собранную оперативным путем информацию о них. К их числу не относится и заявитель М.И. Сапронов, поскольку уголовное дело в отношении него не было прекращено. Выдвигая условием судебной защиты права на персональную информацию и, в конечном итоге, защиты иных конституционных прав наличие у заинтересованного лица фактов проведения в отношении него оперативных мероприятий и наличие соответствующего процессуального решения о его невиновности, Закон тем самым грубо попирает презумпцию невиновности. В то же время он не возлагает каких-либо корреспондирующих обязанностей на оперативные органы, напротив, предоставляя им полную свободу усмотрения.

Жесткие и необоснованные ограничения налагает Закон и на сам характер и объем информации об оперативно-розыскных мероприятиях, которая может быть представлена не только гражданину, но даже и суду. Это, согласно статье 5 Закона, не документы и материалы (как требует часть 2 статьи 24 Конституции Российской Федерации) и даже не сама информация, а лишь "сведения о полученной информации" или "информация об этих сведениях", и то только "в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны". Закон, таким образом, допускает на практике абсолютный произвол оперативных органов в определении объема и характера этой информации, в результате чего ни заинтересованные лица, ни суд в принципе не в состоянии выявить ее достоверность и полноту.

Заявители оспаривают также конституционность примененных к ним положений статьи 11 Закона об оперативно-розыскной деятельности, позволяющих использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств в уголовном процессе. Они указывают, в частности, на то, что основной уликой по их делу являются сделанные оперативным путем аудиозаписи, которые лишь частично были переданы следствию и после их осмотра приобщены к делу как вещественные доказательства. При этом установить, когда, где, кем и на какой аппаратуре сделаны эти записи, а также являются ли они оригиналом, не представляется возможным. Следствию было отказано и в приобщении к делу секретных материалов судебных решений о прослушивании телефонных переговоров. Вместо этого был приобщен протокол их осмотра.

Конституционный Суд полагает достаточным для защиты прав заявителей в этой ситуации отсылку Закона к нормам УПК РСФСР и последующий судебный контроль. Эти гарантии, однако, полностью дезавуируются противоречащими им иными положениями того же Закона. Так, Закон устанавливает, что представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или суду - исключительная прерогатива руководителя оперативного органа, и регулируется эта процедура отнюдь не УПК РСФСР, а "в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами". Судебные решения на право проведения оперативных мероприятий, как и все материалы, послужившие основаниями для их принятия, хранятся только в оперативных органах. Источники, методы, способы и обстоятельства получения оперативных результатов, т.е. именно те факты, которые в соответствии с УПК РСФСР могут служить необходимым условием проверки достоверности доказательств, отнесены Законом к государственной тайне и подлежат рассекречиванию только по усмотрению тех же органов. Какой-либо внешний контроль за этой стороной их деятельности, таким образом, фактически исключается, а следственные органы и суд лишаются возможности ее объективной проверки. Можно согласиться с оценкой заявителя, что обжалуемые нормы представляются издевательством над здравым смыслом и конституционными ценностями.

Более подробно аргументы в пользу неконституционности обжалуемых норм изложены мною в особом мнении по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 12 августа 1995 года "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И.Г. Черновой (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. N 6, 1998 г. С. 31 - 44).

Полагаю также необходимым уточнить, что упоминание моей фамилии в качестве судьи, которому было поручено изучение настоящей жалобы, не имеет отношения к последующему тексту определения, подготовка проекта которого была поручена Конституционным Судом судье В.Д. Зорькину.